



было не только бесполезно, но и страшно. И что-то созвучное фильму «Утомленные солнцем» звучало для меня в рассказе Галины Николаевны. Вся страна была утомлена этим безжалостным солнцем. И ожоги болят до сих пор, и это знает на себе вся их семья.

- Видимо, правильнее фамилию мамы писать не Ануфриева, как писалось уже в наше время, а по-северному - Онуфриева, - говорит Галина Николаевна. - Пелагея Онуфриева. Родом она из деревни Ерга, что недалеко от Сольвычегодска, из крестьянской семьи.

А Джугашвили был свободен. Он ничем не занимался. Откуда у него были деньги, она не знала. Может, из партийной кассы? Но с Чижиковым у них что-то не складывалось. И все чаще они стали встречаться с Джугашвили и бродили по городу вдвоем.

Снова дополнил рассказ Галины Николаевны. За Джугашвили был установлен негласный полицейский надзор, за ним следили фильтры-шпионки, и, естественно, что под этот надзор попала и Пелагея Ануфриева. Фильтры ей дали кличку «Нарядная». Так она вошла в их многие донесения, первое из которых датировано 21 августа, а последнее - 11 сентября 1911 года.

- Какое впечатление произвел Джугашвили на маму? - на минуту задумывается Галина Николаевна. - Она об этом рассказывала мало. Но вот что осталось в памяти от ее рассказов. По ее словам, мужчина как мужчина. Худощавый, черноглазый. Интересный собеседник, многое знал. Очень большой шутник. Он подарил маме книгу по истории литературы с надписью на титульном листе «Умной скверной Полье от чу-

на перроне. Джугашвили вскочил в вагон в самый последний миг, когда поезд уже отправлялся. С тех пор они не виделись.

А 11 сентября (это уже по филерским донесениям) «Нарядная» отплыла из Вологды на пароходе «Яренск». Чижиков провожал ее.

Судьба ее складывалась далее так: она жила и в родной деревне, помирившись с отцом, и в Вологде. Вышла замуж за хорошего человека Николая Петровича Фомина, преподававшего механику и черчение в ремесленных мастерских. Во время войны, мировой и гражданской, Николай Фомин служил в летней части, перешедшей на сторону красных. Потом работал механиком. В семье был достаток. Как-то, увидев в газете портрет Сталина, Пелагея Георгиевна с удивлением воскликнула: «Какой же это Сталин? Это же Иосиф Джугашвили!» В стране начиналась сталинская эпоха. Появилось его прижизненное обожествление. Но для Пелагеи Георгиевны это было не свойственно. Видимо, она его достаточно хорошо знала и относилась к нему просто. О своих встре-

гиях Георгиевна жаловалась лично Сталину. Но, убедившись, что она человек гордый и умный, жаловаться не будет, в обкоме приняли «соломоново решение»: знакомую Сталина засекретить. Во всяком случае, беседы, проведенные с Пелагеей Георгиевной, были засекречены. В обкоме сделали вид, что ничего не произошло. Пелагея Георгиевна и ее семье ничем не помогли, хотя сделать это не составляло для обкома ни малейшего труда.

Как раз в это время объявилась в Вологде женщина, бывшая прислуга в доме, где квартировал Сталин, которая стала писать письма в Кремль, лично Сталину, намекая в них на какие-то особые отношения с ним и прося о привилегиях. Конечно, эти письма в Кремль к Сталину не попадали, их перехватывали, и они оказывались на столе у первого секретаря обкома. И поразительно, но вот этой женщине дали все, что она просила, - квартиру, работу в доме-музее Сталина, затем и пенсию. Лишь бы молчала.

А Фомины бедствовали много лет. И лишь однажды Пелагея Георгиевна не выдержала. Когда пришло известие, что ее сын Валерий, студента Ленинградского железнодорожного института, лишают стипендии как сына «врага народа», она написала Сталину. Из секретариата Сталина, как рассказывает Галина Николаевна, пришел ответ: стипендия будет сохранена. Иначе Валерий не смог бы учиться. Жить было не на что.

Когда Фомины в пятидесятые годы, наконец, получили через Вологодский горисполком комнатку в девять метров, то, по словам Галины Николаевны, они были счастливы. Разместились в комнатушке сначала вчетвером: мать, дочь и две маленькие девочки, а потом - в пятером. Из лагеря, отсидев семь лет, вернулся отец Галины Николаевны.

- Он выжил там чудом, - говорит Галина Николаевна. - Труд на лесозаготовках был невыносим. Люди долго не выдерживали. К счастью для отца, в лагерной больнице оказался его знакомый, который взял его к себе в штат. Отец о лагере почти ничего не говорил. Но однажды сказал, что видел там самое страшное в своей жизни: как у женщин при прибытии в лагерь отнимали детей. Какой стоял крик и стон! Можно представить, какой это был кошмар: женщин везли с детьми в лагерь вместе, а в лагерь детей отбирали.

И еще Галина Николаевна вспоминает:

- Когда Сталин умер, у нас на работе все женщины плачали. И я вместе с ними. Такая была обстановка. Пришла домой и говорю маме: «Я ревела». А мама мне ответила: «А я не ревела». И этим было многое сказано.

Ныне Галина Николаевна на пенсии. Пенсия неплохая, жить можно. Много читает. И понимает, почему ее мама большей частью молчала о своем знакомстве со Сталиным. Хотя и жалеет: надо было порасспрашивать ее об этом подробнее.

\* \* \*

Слова из истории, как из песни, не выкинешь. На мой взгляд, все, что связано со Сталиным и его вологодской ссылкой, - тоже достояние истории. И я считаю, что в доме, где он жил, в крохотной комнатушке на втором этаже следовало бы открыть небольшую экспозицию о вологодской ссылке Сталина и о сталинщине в нашем городе. Ведь существует в Вологде экспозиция, посвященная Ульяновым. Все это - память о прошлом, о пережитой нами общей трагедии, которая как рубец на сердце.

**Владимир АРИНИН.**

**НА СНИМКАХ:** Пелагея Георгиевна Фомина с детьми (30-е годы, фото из семейного архива); здесь жил Сталин.

**Фото Дмитрия ЧЕСНОКОВА.**



## Она встречалась в Вологде с «шутником» Иосифом Джугашвили, или За что ее засекретил обком партии

- Да, моя мама встречалась в Вологде со Сталиным, вернее, его фамилия была тогда Джугашвили, - говорит Галина Николаевна. - Правда, я знаю об этом немного. Только то, что она мне рассказывала. Может, вы знаете больше, чем я. Ведь вы писали по архивным документам.

Так началась наша беседа с Галиной Николаевной на ее вологодской квартире. Мы встретились с ней спустя четыре дня после моей публикации на эту тему. Так решила Галина Николаевна. Моя публикация о встречах ее матери со Сталиным появилась в самом первом, еще пробном номере «Русского Севера» в ноябре 1990 года, и это было потом более подробно раскрыто в книге «Тень генералиссимуса» (1991 г.). Но время многое меняет, и я за эти годы чувствую себя в чем-то изменившимся. Искажен во мне пафос обличия. Но, разумеется, мое отношение к Сталину осталось прежним.

Как и прежде, я считаю его самым страшным тираном в нашей истории. Но тем не менее Сталин - выдающаяся историческая фигура, и все, что с ним связано, представляет определенный интерес, в том числе и его вологодская ссылка.

Что же рассказывала мать дочери о своих личных впечатлениях о Сталине? Как повлияла эта встреча молодой вологодской девушки с будущим великим вождем-полубогом на ее судьбу? Все это не только личные вопросы. Собственно, в судьбе этой женщины и ее родных отразились представления и порядки целой эпохи, и интересно проследить все это. Самой ее нет в живых, она умерла в 1955 году. Это был единственный человек в Вологде, близко общавшийся со Сталиным. Но я знал, что ее дочь Галина Николаевна живет в Вологде, и при публикации в «РС» своей книги «История города Вологды» просил ее откликнуться. И Галина Николаевна любезно откликнулась, а при встрече подробно рассказала о своей матери Пелагее Георгиевне и истории их семьи. Я слушал ее, и вставал перед глазами: раскулачивание деда, ссылка в Сибирь, горе, незаконные аресты отца, изгнание семьи из жилья. Все это одним словом мог прекрасить он, бывший вологодский ссылочный Джугашвили, ведь он когда-то был очень заинтересован в вологодской Поле. Но обращаться к нему

семья, по рассказу Галины Николаевны, была большой (три сестры и три брата), трудолюбивой, зажиточной. Хозяйство было немалое, все работали в поте лица. Глава семьи дед Георгий открыл в селе лавочку: летом трудились в поле, а зимой ездили в Котлас, Вятку, Архангельск за товарами, удачно торговали.

- А маме хотелось учиться, - продолжает Галина Николаевна. - Бывая в Сольвычегодске, она познакомилась со ссыльными, увлеклась так называемыми «передовыми вопросами». Деду все это не нравилось.

Интересы девушки, по словам Галины Николаевны, послужили причиной ее конфликта с отцом. Пелагея уехала в Тотьму, поступила учиться в гимназию. В Тотьме продолжала общаться со ссыльными. Отец лишил ее материальной помощи. Но братья, жалея сестру, украдкой посыпали ей деньги. К тому же давала уроки. Так и жила. В Тотьме познакомилась со ссыльным Петром Чижиковым и стала считаться его невестой. Правда, брак их так и не состоялся.

В дополнение к рассказу Галины Николаевны могу сказать, что архивные документы свидетельствуют о Пелагее Ануфриевой как о способной, умной, начитанной гимнристке, но ее взгляды, отрицающие «закона Божьего» послужили причиной конфликта между нею и гимназическим начальством, преподавателями-священниками.

В августе 1911 года она поехала в Вологду в гости к перебравшемуся в губернский центр П. Чижикову, и он познакомил ее со ссыльным Иосифом Джугашвили.

- Мама первый раз приехала в Вологду, - рассказывает Галина Николаевна, - ей все здесь было интересно. Сначала они гуляли по городу втроем: она, Чижиков и Джугашвили. Но Чижиков был занят, служил в лавке приказчиком.

дака Иосифа». Чем объяснить такую надпись? Он не любил, когда ему враждали. А мама на все имела свое мнение. И она возражала ему. Он сердился: «Поля, я вас старше, а вы со мной спорите». Мама переведила все это в шутку. И он подхватывал. Скажет что-нибудь смешное, а мама засмеется и говорит: «Вы - чудак, Иосиф». И он охотно соглашается: «Я - Иосиф-чудак». Вот что стояло за этой надписью на книге.

В дополнение к словам Галины Николаевны поясню, что Джугашвили прислал эту книгу - «Очерки по истории литературы» - в подарок Пелагее Ануфриевой в 1912 году из Петербурга. В послевоенное время ее посетили в Вологде

чах с ним говорила редко и кратко.

Но Сталин уже входил в личные судьбы великого множества людей. И началось страшное. Раскулачили отца и всю семью Ануфриевых. Отобрали все, вывезли под Новосибирск. Но братья Пелагеи Георгиевны, трудолюбивые, спокойные северные крестьяне, и в ссылке сумели прижиться, постепенно построили дома, завели хозяйства, выстояли. А вот отец сломался. Проклиная все, он стал болеть и вскоре умер.

- Сталин тут ни при чем, - говорила Пелагея Георгиевна, - он просто не знает, что творится.

В 1937 году арестовали как вредителя ее мужа. Но он был честный труженик, никаких, даже малейших показаний против него не имелось. Через несколько месяцев выпустили, но семью, где было двое детей, выгнали из квартиры. Они начали бедствовать. В 1947 году Николая Фомина арестовали вторично и дали срок в десять лет.

- В это время я собиралась рожать, - вспоминает Галина Николаевна. - На семью обрушились новые беды. У нас к этому времени было жилье, но нашу семью опять выгнали на улицу. А мама стала относиться к Сталину по-другому. Она поняла, что это все происходит по его вине, и ужаснулась этому.

В это время, насколько я представляю по архивным документам, в обкоме партии было решено разыскать «Нарядную», то есть ту женщину, с которой в Вологде встречался будущий вождь. О ней ничего не было известно, хотя ходило множество легенд об ее отношениях со Сталиным. Первый секретарь обкома Дербенев приказал отыскать знакомую великого Сталина. И ее нашли. И полагаю, что пришли в ужас. Выяснилось, что знакомая Сталина Пелагея Георгиевна Фомина бедствует. Ее муж осужден как «враг народа». Она ютится с дочерью Галиной и двумя новорожденными девочками в крохотной комнате (вернее, в мансарде) своей подруги, приютившей ее из жалости.

Вологодское начальство попало в трагикомическую ситуацию. Что делать? С одной стороны, надо было кричать «ура!»: найдена женщина, хорошо знавшая Сталина, но, с другой... никто не мог представить, какие будут последствия всего этого. Начальство опасалось, не будет ли Пела-